

А. Г. МАНЬКОВ

КРУГИ В РАЗИНСКОМ ВОЙСКЕ И ВОПРОС О ПУТЯХ И ЦЕЛИ ЕГО ДВИЖЕНИЯ¹

Одной из отличительных особенностей того этапа Крестьянской войны под предводительством С. Разина, который продолжался с конца 1669 г. до августа 1670 г., были периодически собираемые круги повстанческого войска. Важнейшими вопросами, поставленными на них, были определение задач восстания и выбор пути движения повстанцев. Таких кругов по источникам насчитывается более семи.²

Само по себе это несомненно свидетельствует об определенном уровне сознательности повстанцев и стремлении руководства и наиболее организованных участников восстания определить его цели.

В литературе о Крестьянской войне 1667—1671 гг., в большинстве научно-популярной, те или иные круги, главным образом в Паншинском городке и Царицыне, упоминаются по ходу изложения событий. Хуже положение с первым кругом в Черкасске;³ из двух царицынских кругов — в мае и начале июня 1670 г. — в литературе упоминается только первый; и вовсе не известным до последнего времени оставался круг в Черном Яре.

¹ В научно-популярном очерке о восстании С. Разина (см.: И. И. Смирнов, А. Г. Меньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.—Л., 1966) автор этой статьи высказал суждения о позиции С. Разина в вопросе выбора пути движения повстанческого войска и его целей. И. И. Смирнов, будучи ответственным редактором книги, посоветовал написать на эту тему статью. К сожалению, автору представилась возможность выполнить совет дорогого учителя лишь в сборнике, посвященном его памяти.

² Установление точной цифры невозможно (см. стр. 274).

³ В. И. Лебедев соединяет черкасский круг с паншинским в один круг и относит его к Паншину; см.: В. И. Лебедев. Крестьянская война под руководством Степана Разина. М., 1964, стр. 46—47.

В связи с этим допускалась, на наш взгляд, неточная интерпретация мотивов похода Разина из Царицына к Астрахани в июне 1670 г.⁴

Но главное состоит в том, что до сих пор не предпринята попытка общего анализа совокупности вопросов, стоявших на всех кругах повстанцев, как единого процесса определения целей восстания и путей движения повстанческого войска.

А между тем такой анализ позволит уточнить позиции как руководства восстанием, прежде всего самого Разина, так и подавляющей массы его участников в решении кардинальных вопросов движения.

Из похода на Волгу и в Персию Разин вернулся на Дон в начале ноября 1669 г. с отрядом в полторы тысячи человек и расположил его на зимовку на острове Прорва в районе Кагальницкого городка. В итоге волжско-каспийского похода были созданы необходимые предпосылки для второй, более высокой ступени Крестьянской войны. Были накоплены запасы имущества, вооружения и боеприпасов. А главное — было создано боевое ядро повстанческого войска. В течение зимы 1669/70 г. разинское войско значительно умножило свою материальную и боевую мощь.

Торговые люди, приходившие на Дон с товарами из украинских городов, вели в Кагальницком городке энергичную торговлю, скупая привезенные казаками заморские товары и снабжая их вооружением, боеприпасами и продовольствием. Непрерывно росла и численность войска. Многие источники отмечают, что «сверху де Доном безпрестани к нему (Разину, — А. М.) идут козаки и иные беглые люди».⁵

В таких условиях Кагальницкий городок становится политическим и хозяйственным центром Дона, затмевая собою Черкасск — цитадель домовитого казачества. Влияние последнего и власть атамана Войска Донского К. Яковлева были парализованы. Подтверждением этого служат два крупных события, происшедшие как раз в Черкасске, — казачий круг, на котором впервые был поставлен вопрос о направлении и цели выступления разинского войска, и убийство царского посланца Г. Евдокимова, присланного на Дон для разведывания намерений Разина.

На казацком круге в апреле 1670 г. Разин разоблачил в лице Евдокимова лазутчика: «Учал ево, Герасима, бранить и бить, и бив до полусмерти, посадил в воду, в Дон реку».

В ответ на попытку войскового атамана Яковлева осудить убийство Евдокимова Разин «учал ему, Корнилу, грозить

⁴ Там же, стр. 48—49.

⁵ Кр. война, т. I, стр. 162 и др.

таким же смертным убийством и говорил ему: „ты де владеи своим войском, а я де владею своим войском“». ⁶

Первый круг подвластного Разину войска (а в него входила несомненно подавляющая часть низового казачества, в том числе и черкасского, не исключая и какой-то части домовитых казаков) собрался еще до событий, связанных с Евдокимовым.

Проживший зиму 1669/70 г. в Черкасске хоперский казак Костька Косой рассказывал подьячему Д. Михайлову, что при нем в Черкасске у Разина был круг, на котором есаулы спрашивали собравшихся, «под Озов ли итить, и козаки де в кругу про то все умолчали. А в другой де докладывали — на Русь ли им на бояр иттить и они де „любо“ молвили небольшие люди. А в третей де докладывали, что иттить на Волгу, и они де про Волгу завошили». ⁷ Что участники круга ответили молчанием на вопрос о походе под Азов, т. е. к берегам Азовского и Черного морей, — понятно, так как к этому времени Азов был превращен турками в сильную крепость, а на подступах к нему в низовьях Дона стояли турецкие укрепления, преграждавшие путь казакам. Постановка второго вопроса — «На Русь ли им на бояр иттить» — показывает, что Разин и его ближайшее окружение ставили своей целью воплощение идеи антифеодальной борьбы, возникшей еще в походе 1667—1669 гг. Однако этот лозунг не получил поддержки большинства участников круга, чем и объясняется, что «любо» молвили «небольшие люди», т. е. меньшинство. И лишь предложение идти на Волгу вызвало бурную реакцию подавляющего большинства. Состав вопросов и характер их постановки на круге в Черкасске показывают, что этот круг был организован с целью разведки настроений казачества. Разведка выявила стихийное стремление значительной части казацко-крестьянской массы Дона повторить поход 1667—1669 гг.

Покинув Черкасск в конце апреля 1670 г., Разин переводит свое войско из Кагальницкого городка в Паншин городок. Сюда из нижних городков с отрядом донских и запорожских казаков прибыл опытный и закаленный в боях атаман Василий Ус, ставший правой рукой Разина в новом походе. Перед походом в Паншинском городке был собран новый круг. На нем, по словам очевидца — курского попа Н. Иванова, Разин «сказал всем вслух — любо ль де им всем итти з Дону на Волгу, а с Волги итти в Русь против государевых неприятелей и изменников, чтоб им из Московского государства вывесть изменников бояр и думных людей и в городех воевод и приказных людей?». В доказательство измены бояр Разин сослался на последовавшие недавно одна за другой смерти царицы Марии Ильиничны и царевичей Алексея

⁶ Там же, стр. 165.

⁷ Там же, стр. 162.

и Семена. Свою речь Разин завершил призывом к участникам круга: «И им бы де всем постоять и изменников из Московского государства вывесть и чорным людем дать свободу».⁸ И так, призыв к походу на Русь против бояр и вопрос о походе на Волгу, поставленные на черкасском круге самостоятельно и альтернативно, на круге в Паншинском городке были слиты воедино.

Такой шаг Разина обеспечил ему полную поддержку со стороны подавляющей массы участников восстания. Об этом мы узнаем из недавно опубликованных расспросных речей участника круга в Паншинском городке казака Н. Самбуленко. По его словам, Разин первоначально поставил перед кругом вопрос в более широком плане — бороться или уйти из под власти русского царя, чтобы избежать угнетения: «Атаманы де молотцы, — спрашивал Разин, — куда мы пойдём отсюда, на море ли по Волге или к иному царю служить?». Такая постановка вопроса была рассчитана на определенную патриотическую настроенность масс. И когда первоначально последовал ответ старшин, что «они иному царю служити не хотят, а пойдём де мы все на Волгу на бояр и воевод», то и Разин, «взяв саблю на голо, говорил им всем, что он на великого государя итти и руки поднять не хочет, лутче де ево тою саблею голову отсеките или в воду посадите».⁹

Лозунг защиты царя от изменников-бояр и призыв идти на Волгу, а с Волги на Русь против тех же изменников-бояр предельно ясно вскрывают социальную направленность восстания, которой соответствует путь движения войска, отвечавший интересам подавляющей массы участников похода. И на этот раз ответ всего круга был такой, на который собственно и рассчитывал Разин: «Мы де готовы за дом пресвятые богородицы и за великого государя умереть и головы свои положить и служить и что де бояря не велят нам ходить на море и на Волгу, и от этого мы стали наги и голодни. И ныне де пойдём на бояр и воевод на Волгу за то, что де бояря и воеводы нас голодом морят». Это место показаний Самбуленко прекрасно вскрывает, что угнетенный народ внутренне был подготовлен к принятию решения о борьбе против феодалов, ибо он вынес определенный опыт из предшествующих походов на Волгу и Каспийское море: «А как на море и на Волге наперед сего были и они де, бояре и воеводы, нас имали и вешали и головы нам секли и в воду сажали».¹⁰

⁸ Там же, стр. 235.

⁹ Показания Самбуленко хорошо отражают царистскую настроенность народных масс и самого Разина. Но и эта настроенность не оставалась неизменной. В ходе восстания, события которого помогли многое понять прежде всего самому Разину, повстанцы стали противопоставлять царю Алексею Михайловичу, который дал себя обмануть боярам, его сына царевича Алексея — якобы невинную жертву боярского произвола.

¹⁰ Кр. война, т. I, стр. 253.

Недоставало лозунга, призыва. И Разин сумел после разведки настроения казацко-крестьянской массы в Черкасске дать такой лозунг, который объединял давнее, привычное стремление донцов к походам на Волгу, обычно служившим наиболее эффективным выходом из тяжелого материального положения, с задачами классовой борьбы за освобождение от феодального гнета.

В этом шаге бесспорно сказалась мудрость Разина как вождя угнетенных масс, как стратега Крестьянской войны и ее предводителя.

Но отвечало ли в полной мере такое решение вопроса стремлениям самого Разина и, быть может, его ближайшего окружения? На поставленный нами вопрос попытаемся ответить в ходе дальнейшего изложения событий.

В отписке в Разрядный приказ от 19 мая 1670 г. тамбовский воевода Я. Хитрово сообщал, что им послана из Тамбова на Дон станица для разведывания возможного пути движения разинского войска — «на Волгу ли он пойдет или на калмык или вверх Доном в Русь...».¹¹ Едва ли воеводы ближайших к Дону городов допускали возможность похода Разина в центр страны по Дону и далее только теоретически, не располагая относительно такой возможности определенными сведениями.

В декабре 1669 г. из допроса в Посольском приказе кречетника Д. Григорова стало известно о слухе, ходившем на Дону, что Разин «хочет атаманов и казаков лутчих людей побить, а сам, собрався иттить в Запороги рекою Донцом...».¹² Эти сведения подтвердились в январе 1670 г. в результате посылки на Дон астраханским воеводой И. Прозоровским лазутчика — татарина Юмашки Келимбетова. Последний донес, что Разин может податься в Запорожье для соединения с запорожскими казаками.¹³

Большое значение для понимания позиции Разина в затронутом вопросе приобретают его связи с гетманом правобережной Украины П. Дорошенко, кошевым атаманом Запорожского войска И. Серко и запорожским гетманом М. Ханенко. Этой теме посвящены отдельные работы советских историков,¹⁴ но едва ли можно считать ее изученной в той мере, в какой она этого заслуживает. Для наших целей, однако, достаточно и того, что известно из литературы и опубликованных материалов.

С. Разин, готовя поход на Русь против бояр и дворян, упорно и настойчиво искал союзников и помощников. И не удивительно, что его внимание привлекла Украина. После раздела в результате русско-польской войны 1654—1667 г. как правобережная, так и

¹¹ Там же, стр. 162.

¹² Там же, стр. 132.

¹³ Там же, стр. 155.

¹⁴ Д. Е. Кравцов. Отголоски разинщины на Украине. Труды Инст. славяноведения АН СССР, т. II, Л., 1934, стр. 77—99; К. Стецюк. Вплив повстання Степана Разина на Україну. Київ, 1947, стр. 72—92.

левобережная части Украины переживали период резкого обострения классовых и национальных противоречий. Правобережный гетман П. Дорошенко стремился стать гетманом обеих частей Украины и с этой целью, готовя поход против русского царя, искал союзников, с одной стороны, в лице крымских татар и турок, с другой — в лице днепровских и донских казаков.¹⁵ Выступление Разина устраивало его наибольшим образом, так как отвлекало внимание и силы царского правительства на подавление внутренней крамолы и в то же время давало возможность использовать силы повстанцев для достижения своих целей. Еще в конце 1667 г., будучи в Яике, Разин прислал в Чигирин к Дорошенко «станицу в 10 человек о дву конь. А пишет де он, Стенька, к нему, Петрушке, чтоб он шел наскоро Муравским шляхом на твои великого государя украинные городы войною». Полтавский воевода Петр Сафонов дополнил эти сведения сообщением о том, что, получив письмо Разина, «Дорошенко де послал в Крым для татар Жуленка тому 3 недели».¹⁶ Таким образом, прибытие станицы Разина в Чигирин надо отнести ко второй половине ноября 1667 г.¹⁷

Дальность расстояния между Яиком и Запорожьем, перемена обстановки на Украине (измена царю левобережного гетмана И. Брюховецкого) и выжидательная позиция, занятая Дорошенко, препятствовали укреплению связей между ним и Разиным. Но одно несомненно, как справедливо подметила Е. А. Швецова, — что уже при первом походе Разин искал союзников в борьбе с царизмом.¹⁸

Связи между Разиным и Дорошенко возобновились с того момента, как повстанческое войско вернулось в конце 1669 г. на Дон, в Кагальницкий городок. В это же время возникают сношения Разина с кошевым атаманом запорожского войска И. Серко и запорожским гетманом М. Ханенко.¹⁹ Все трое, выражая интересы старшины и зажиточных кругов казачества, в классовом отношении и по своей политической ориентации были враждебны восставшей казацко-крестьянской массе и ее предводителю Разину, но стремились, однако, использовать его мощь и авторитет для достижения своих целей. С другой стороны, контакт между Разиным и представителями Запорожья складывался и на той основе, что сношения донских казаков с запорожскими были постоянными. Сложная игра Дорошенко между Турцией, Польшей и Россией затянула время, но когда он сблизился с Серко, то выслал на Дон станицу к Разину: «...пишут де Дорошенка и

¹⁵ К. Стецюк. Вплив повстання..., стр. 72—73.

¹⁶ Кр. война, т. I, стр. 100.

¹⁷ Д. Е. Кравцов. Отголоски разинщины на Украине, стр. 83.

¹⁸ Кр. война, т. I, стр. 267.

¹⁹ К. Стецюк. Вплив повстання..., стр. 88—89; Кр. война, т. I, стр. 268, 275.

Серик к Стеньки — где б де им с Стенькою Разиным на срок в котором урочище сойтитца вместе». Это уже было конкретное предложение, но оно не застало Разина на Дону. Вслед за ним к Царицыну с письмом Дорошенко и Серко был послан донской казак Фрол Минаев, «а велено де ему, Фралу, гнать до нево, чтоб он, Стенька, поворотился назад...».²⁰ Вернуть свое войско с Волги Разину не удалось, но, как увидим ниже, он неоднократно ставил перед кругом вопрос о походе на Русь с Дона. Более года послания от Разина к Дорошенко и обратно передавал кременчугский сотник М. Карачевский, пока не был задержан на днепровском перевозе осенью 1670 г. и замучен до смерти пыткой.²¹

Есть сведения о другом тайном агенте, передававшем письма Разина и Дорошенко, — Д. Перехресте. Следствие о переписке вел левобережный гетман Д. Многогрешный, которому не удалось обнаружить сами «листы», но смысл их был установлен — Дорошенко звал Разина идти с ним весною в поход «под Заднеприм» (левобережная Украина) и обещал не скушиться на хлеб и соль.²² В какой мере эти сношения с Дорошенко накладывали отпечаток на действия Разина?

Перейдя с Дона на Волгу в мае 1670 г., разинцы заняли Царицын. Укрепив город, Разин собрал войсковой круг, на котором вновь поставил вопрос о направлении и целях движения повстанческого войска. Участник этих событий, курский поп Н. Иванов, показал на допросе в Белгородской приказной избе, что «был у него, Стеньки, под Царицыным круг, а в кругу говорил всем своим казаком, чтоб им итти вверх по Волге под государевы городы и воевод из городов выводить или б де итти к Москве против бояр».²³ Такая постановка вопроса, предложенная в Царицыне, есть не что иное, как своеобразный синтез черкасского и паншинского вариантов выступлений Разина перед кругом. И если цель движения понималась Разиным как единая для всего восстания, а состояла она в нанесении удара «государевым изменникам» — воеводам и боярам (независимо от того, где они находились: в городах по Волге или в самой столице — Москве), то вопрос о наиболее рациональном и эффективном пути достижения этой цели не был еще разрешен. Как видим, и на майском круге в Царицыне Разин не удержался от формулировки двух возможных направлений движения повстанческого войска.

²⁰ Кр. война, т. I, стр. 164.

²¹ Д. Е. Кравцов. Отголоски разинщины на Украине, стр. 87—88; К. Стецюк. Вплив повстання..., стр. 87; Кр. война, т. II, ч. 2, стр. 138, 143.

²² К. Стецюк. Вплив повстання..., стр. 87—88; Кр. война, т. II, ч. 2, стр. 133, 134.

²³ Кр. война, т. I, стр. 188.

Прямой и кратчайший путь на Москву продолжал занимать его самым решительным образом. Москва была местом пребывания наиболее видных бояр, управлявших страной, в том числе и тех, которые «недобры к казакам» и которых Разин и участники круга еще в Паншинском городке называли по именам — Ю. А. Долгорукий, Н. И. Одоевский, А. С. Матвеев, думный дьяк Д. Башмаков. «И про иных многих бояр и думных людей говорили, — сообщил на допросе, на этот раз в Разрядном приказе, тот же куракий поп Н. Иванов.²⁴

Эту позицию Разина нельзя не ставить в связь с тем фактом, что и будучи в Царицыне он продолжал иметь сношения с Дорошенко и И. Серко. Один из наиболее сведущих очевидцев царицынских событий, поп Н. Иванов, выполнивший в разинском войске по приказу Разина и В. Уса различные требы, в том числе отпевание «побитых» повстанцев, сообщил на допросе, что «Стенька же де Разин под Царицыным готовил суды и ждал к себе ис черкасских городов на помощь многих черкас с полковником с Серком».²⁵ И хотя прибытия Серко с войском под Царицын так и не состоялось, возможность такого события была, очевидно, настолько реальной, что в отписках некоторых городовых воевод Поволжья о соединении Разина с Серком сообщалось как о совершившемся факте: «Стенька Разин со многими людьми соединились с изменники запорожскими черкасы, с полковником [с] Сериком».²⁶ Трудно сказать, какой оборот приняли бы события под Царицыном в случае прибытия войска Серко (гипотетически мы не исключаем, что Разин мог пойти на Москву через слободскую Украинну), но одно очевидно: на царицынском круге в мае 1670 г. было принято решение о походе вверх по Волге. Конечной целью этого похода, в случае его успеха, несомненно была бы Москва.²⁷ Однако привходящие обстоятельства, связанные с наступлением правительственных войск, резко изменили направление похода и его ближайшие цели. Одним из мероприятий правительства была отправка по Волге для обороны Царицына тысячного отряда стрельцов под командованием головы И. Лопатина.²⁸ Лопатин, отправленный из Москвы 20 марта 1670 г., не получил в пути сведений о взятии Царицына Разиным, а Разин, перехватив царских посланцев — «копюхов» — с грамотами по городам, узнал о походе Лопатина. Одновременно Разин получил сведения о выходе из Астрахани против него

²⁴ Там же, стр. 235.

²⁵ Там же, стр. 237.

²⁶ Там же, стр. 191.

²⁷ Стрельцы Г. Свешников «с товарищи» показали в Разрядном приказе: «слышали де они на Царицыне от воровских казаков, что было... Стеньке Разину с воровскими казаки, не ходя в Астрахань, итить вверх рекою Волгою к Москве» (там же, т. II, ч. 1, стр. 51).

²⁸ Там же, т. I, стр. 182.

войска под командованием князя С. И. Львова.²⁹ Участник похода Львова, голландец Л. Фабрициус, наемный офицер царского войска, сообщал в своих записках, что отправка отряда Лопатина из Москвы и войска Львова из Астрахани была согласованным мероприятием, имевшим целью зажать Разина в клещи.³⁰

Разин первоначально выступил навстречу Лопатину, используя прием внезапного нападения. Стрельцы, не привыкшие к действиям на воде, понесли большие потери. Отряд был разгромлен, до 300 стрельцов перешло на сторону повстанцев.³¹ Вслед за этим Разин принимает решение идти против большого войска Львова, которое (по данным разведки — численностью до 3000 человек) уже находилось в Черном Яре.³² Новое решение, однако, круто меняло направление и цели похода, намеченные ранее, и потому требовало санкции войскового круга. В начале июня, перед выступлением, в Царицыне был собран новый круг. На нем Разин предложил «итить в Астрахань всем грабить купчин и торговых людей: не дороги де им бояря, дороги де им купчин и торговых людей животы».³³

При таком неожиданном повороте дела можно было бы усомниться в правоте показаний источника. Но дело в том, что сведения о кругах в Панищине и Царицыне исходят от одного и того же лица — курского попа Н. Иванова, очевидца событий.³⁴ Да и в самих словах Разина заметно нарочитое противопоставление новых целей похода тем, о которых шла речь на круге недели две назад («не дороги де бояря, а дороги...» и т. д.). В таком случае очевидно, что в новых, неожиданно сложившихся условиях Разин прибегнул к определенному тактическому маневру. Комментируя новое выступление Разина, Е. А. Швецова справедливо отметила, что «С. Разин действовал на определенную часть своего войска, выставляя наиболее доходчивый для нее аргумент. Действительной причиной похода С. Разина под Астрахань была необходимость принять бой с высланным против него из Астрахани войском».³⁵ Справедливо и то, что, соблазняя войско перспективой легкой добычи, Разин не менял основных задач движения. Свой призыв идти под Астрахань он завершил

²⁹ Там же, стр. 188.

³⁰ S. Konovalov. Ludvig Fabritius's account of the Razin Rebellion, Oxford Slavonic Papers, vol. VI. 1956, p. 80.

³¹ Кр. война, т. I, стр. 188.

³² Там же, стр. 188, 237.

³³ Там же, стр. 237.

³⁴ В показаниях стрельцов Г. Свешникова «с товарищи» прямо указывалось, что Разин из Царицына «в Астрахань итить не хотел. А поел де он, вор, к Астрахани по вестям, как уведал про посылку на Черный Яр князя Семена Львова» (там же, т. II, ч. 1, стр. 51).

³⁵ Там же, т. I, стр. 280.

такими словами: «Быв де под Астраханью, итить им вверх по Волге под Казань и под иные государевы городы».³⁶

5 июня войско Разина выступило из Царицына, а 11 июня достигло Черного Яра. При первом же соприкосновении с разинцами враждебно настроенные к своим офицерам и начальникам стрельцы и солдаты войска Львова немедленно перешли на сторону повстанцев. Подробные сведения о событиях под Черным Яром дают записки Л. Фабрициуса. Иностранные офицеры и «начальные» люди войска С. Львова, захваченные повстанцами, были казнены по решению круга участниками самого круга.³⁷ Сохранение жизни С. Львову по просьбе С. Разина было осуществлено тоже с санкции круга: «... князь Семена де Львова казаки ево Стенькины хотели посадить в воду и он де, Стенька, в кругу казакон об нем, князь Семене, бил челом, чтоб ево в воду не сажать, и казаки де ево в воду не посадили».³⁸

В этом поступке Разина нельзя не видеть шага определенной политической направленности: «переход» на сторону повстанцев князя и видного военачальника имел большое агитационное значение. Разин тотчас сообщил в Царицын, что «идет под Астрахань вскоре со князем Семеном Львовым».³⁹

В результате же, надо полагать, приговора круга была решена еще в Царицыне участь стрелецкого головы И. Лопатина и других начальных людей его войска, за исключением полуголовы Ф. Якшина. Во всяком случае из слов источника, что стрельцов Лопатина, перешедших на сторону повстанцев, допрашивали «Стенька Разин и ясаулы», «каковы к ним голова и полуголова и сотники»,⁴⁰ можно заключить, что такой круг имел место. Оба эти круга, как в Царицыне, так и в особенности в Черном Яре, были первыми кругами, на которых получила воплощение важнейшая часть программы повстанцев — уничтожение бояр, воевод и начальных людей, ненавистных народу. Забегая вперед, следует сказать, что по приговору кругов в Астрахани были казнены многие приказные и начальные люди, в том числе первый воевода И. Прозоровский, а позднее (в мае 1671 г.) митрополит Иосиф и воевода С. Львов.⁴¹

Другой функцией повстанческих кругов был дележ (дуваны) имущества воевод, дворян, купцов и военачальников. В итоге таких дуванов в руки народа переходили материальные блага, накопленные в результате его многовековой эксплуатации.

³⁶ Там же, стр. 237, 280.

³⁷ S. Konovalov, Ludvig Fabritius's..., pp. 81—82; А. Г. Мапков, Людвиг Фабрициус о крестьянской войне под предводительством С. Разина. Вопросы истории, 1966, № 5, с. 204. — В живых были оставлены только С. Львов и Л. Фабрициус (см.: Кр. война, т. I, стр. 220).

³⁸ Кр. война, т. I, стр. 220.

³⁹ Там же, стр. 210.

⁴⁰ Там же, стр. 236.

⁴¹ Там же, т. III, стр. 217.

Из записок Л. Фабрициуса и ряда русских источников известны дележи имущества в Царицыне, Черном Яре и Астрахани.⁴² Разумеется, подобного рода действия были существенной составной частью реализации целей и задач восстания, а потому носили не разбойный, а социальный характер. Однако, как ни важны круги такого рода, в данной статье речь идет не о них, а о тех кругах, с которыми связано определение путей движения разинского войска.

Вслед за царицынскими кругами такой круг состоялся в Черном Яре. На нем, сообщает Л. Фабрициус, повстанцы обсуждали вопрос, «двинуться ли дальше вверх по реке, или вначале захватить Астрахань. Они обеспечат себе тыл и таким образом смогут беспрепятственно подниматься вверх по Волге до Казани».⁴³ Итак, впервые с чисто стратегической точки зрения, с целью укрепить тыл для похода вверх по Волге, решение о взятии Астрахани было принято на круге в Черном Яре. Намерение же С. Разина и его войска идти в глубь страны, как видим, оставалось неизменным.

В Астрахани Разин задержался не более трех недель. Оставив в городе небольшой отряд и атаманов В. Уса и Ф. Шелудяка, С. Разин с войском, превышающим (по сообщениям ряда источников) 10 тысяч человек, выступил вверх по Волге, достигнув Царицына в конце июля 1670 г.⁴⁴ И в данном случае пребывание в Царицыне явилось крупной вехой в определении пути движения разинского войска. Находившийся в эти дни среди повстанцев стрелец ранее разбитого отряда головы Лопатина Григорий Свешников показал на допросе в Тамбовской приказной избе, что «у него де, Стеньки, на Царицыне были круги многие».⁴⁵ На повторном допросе в Разрядном приказе Г. Свешников подтвердил эти сведения: «А как де пришел он, Стенька, с воровскими казаками из Астрахани на Царицын, и у них де была меж себе дума и круги не по одно время о проходе их вверх Волгою».⁴⁶

Как очевидно из тех же показаний Свешникова, инициатором постановки вопросов о путях дальнейшего следования войска был не кто иной, как сам Разин: «А в кругу де он, Стенька, воровским казаком говорил — куда де им в Русь итить лугче Волгою или рекою Доном? И ему де, Стеньке, воровские казаки в кругу говорили — итить де им рекою Доном на Русь и на украинные города не мочно, потому что де Дон река коренная и как де заустошить украинные города, которые к Дону блиско, и у них де на Дону запасов не будет. Да и для де того на те города рекою

⁴² S. Konovalov, Ludvig Fabritius's..., pp. 79, 87.

⁴³ Там же, p. 82.

⁴⁴ Кр. война, т. II, ч. 1, стр. 30.

⁴⁵ Там же, стр. 31.

⁴⁶ Там же, стр. 51.

Доном и Хопром питить им не мочно, что де Танбов и Козлов городов многолюдные и там де дворян и всяких людей много, и они де в тех городах их воровских казаков побьют. А степью де им в Русь питить тож не мочно, потому что им, степью идучи есть нечева и запасов вестъ им не на чем». ⁴⁷

Как видим, Разин вновь, — но в гораздо более решительной форме, чем это было в Черкасске и на майском круге в Царицыне, — ставит вопрос перед кругом о выборе пути движения на Русь между Волгой и Доном. Само по себе это обстоятельство показывает, что Разин продолжал склоняться в сторону похода на Русь, точнее в Москву, через верховья Дона и Слободскую Украину. Он и теперь не терял надежды на единение с силами гетмана Дорошенко и запорожских атаманов и на поддержку восстания со стороны украинских крестьян и запорожского казачества. Даже потерпев поражение под Симбирском в начале октября 1670 г. и потеряв свое главное войско, Разин писал Дорошенко о помощи. Однако гетман, по словам очевидца грека Мануйлы, то письмо на раде в Корсуни «прочетчи, изодрал». ⁴⁸ Есть сведения о том, что после поражения под Симбирском Разин якобы имел намерение податься к Острогожску. ⁴⁹ Наконец, позднее, в конце 1670 г., Разин стремился «послать прельщать» «в Запороги», «чтобы потому ж шли на государевы города, а писал к ним о том, что будто ево, Стеньку с товарищи, и их, запорожских казаков, хотят бояря сводить з Дону и из Запорог». ⁵⁰ И хотя эти сведения содержатся в расспросных речах враждебного Разину донского станичного атамана Р. Калуженина, они вполне согласуются со многими другими данными источников о связях Разина с Запорожьем. Связь была не только с гетманом, атаманами, но и — через их головы — непосредственно с казачеством обоих берегов Днепра. Приток днепровских казаков, черкас, в войско Разина был непрерывным. Обеспокоенное этим русское правительство еще в июле 1670 г. через посланного на Украину подъячего С. Щеголева требовало от гетмана Д. Многогрешного «смотреть того накрепко и начальным людем приказать, чтоб казаки к вору к Стеньке Разину не ходили». ⁵¹ Однако месяц спустя казаки писали «к Стеньке Разину, что будто он, гетман, у великого государя не в подданстве, чтоб де Стенька шол великого государя на низовые города безопасно, а от него бы, гетмана, не опасался, что он великого государя с ратными людьми над ним, Стенькой, промысл чинить не будет». Речь идет здесь как раз о гетмане Д. Многогрешном.

⁴⁷ Там же, стр. 31.

⁴⁸ Там же, т. III, № 29.

⁴⁹ Там же, т. II, ч. 1, стр. 394.

⁵⁰ Там же, ч. 2, стр. 101.

⁵¹ Там же, стр. 108.

В свете всех этих данных становится понятной новая настойчивая попытка Разина поставить в августе 1670 г. на круге в Царицыне, — в пункте, наиболее близком к Дону, — вопрос о возможном походе на Русь через Дон и Слободскую Украину. В данном случае Разин, видимо, мог опереться на поддержку значительной большей части войска, чем это было на всех предыдущих кругах. Именно этим следует объяснить, что в августе в Царицыне «были круги многие», что у повстанцев «была меж себе дума и круги не по одно время о проходе их вверх Волгою». Все это говорит об определенном расхождении мнений и обострении противоречий в рядах разинского войска. Большинство, однако, и в данном случае высказалось за поход по Волге. Основным мотивом отказа идти через Дон и города Белгородской черты было, как мы видели, опасение за судьбу родного Дона, что говорит о силе сепаратистских, локальных тенденций в движении. Эти тенденции, присущие подавляющей массе повстанцев, мешали ей подняться до глубокого понимания целей борьбы и наиболее эффективных средств ее осуществления.

В ответе на вопрос Разина участники круга выдвинули и тот мотив, что в городах Белгородской черты (Тамбов, Козлов и др.) имелись большие гарнизоны служилых людей, столкновение с которыми могло быть не в пользу повстанцев. Несомненно, что оборонительная черта, обращенная к Дону и Крыму, была сильнее, чем крепости юго-восточной черты. Однако, как показали дальнейшие события, отряд атамана М. Харитоновна, направленный Разиным из-под Симбирска на запад по городам укрепленной черты, встретил активную поддержку не только со стороны местного крестьянства, но и гарнизонов ряда городов (Пензы, Саранска, Темникова и др.), в составе которых находились приборные люди и дети боярские. Крупнейшим событием этих мест было восстание казаков и солдат тамбовского полка под предводительством атамана Т. Мещерякова. Сам Тамбов был осажден повстанцами с начала ноября по начало декабря 1670 г.⁵²

Что касается Слободской Украины, то вслед за Средним Поволжьем она стала вторым очагом Крестьянской войны.⁵³ Действовавшие здесь отряды разинских атаманов — Ф. Колчева, Ф. Разина, Л. Черкашенина и др. — получили поддержку крестьян, днепровских казаков, низов посадского населения и рабочих людей Торских соляных промыслов. Идея же гетмана Дорошенко, с которым Разин вел переговоры о совместном выступлении против Москвы, встретили сочувствие среди старшин. Именно этим следует объяснить переход на сторону разинцев острогожского полковника И. Дзиньковского, сотников Я. Чекеза и В. Григорьева и полкового подьячего М. Жуковцева.⁵⁴

⁵² Там же, ч. 1, стр. 196—200, 210—211.

⁵³ Там же, ч. 2, стр. 7—107.

⁵⁴ Там же, стр. 14—17, 21—22.

Разумеется, трудно сказать, какой оборот приняли бы события в случае похода основных сил С. Разина в центр России через Слободскую Украину. Можно лишь утверждать, что острота классовых противоречий и антиправительственных настроений создала к тому времени на Слободской Украине благоприятную почву для восстания и возникновения единого фронта различных социальных сил. Поход Василия Уса прекрасно показал, какие возможности для антифеодальной борьбы таят в себе эти места, а также прилегающие к ним уезды вплоть до Тулы.

Однако Разин и на этот раз уступил стремлению большинства идти в Русь по Волге. Уступил, правда, не вполне и даже не сразу, не без некоторых колебаний и борьбы. Его стремление осуществить поход на Русь с Дона сказалось прежде всего в отправке из Царицына на Дон в начале августа 1670 г. двухтысячного отряда повстанцев с десятью пушками и денежной казной в 40 000 рублей. Любопытно, что, по словам участников этого похода, стрельцов И. Исаева и Т. Аникиева «Стенька Разин провожал их от Царицына в степь 6 верст. И был де у них в степи круг, и выбрали де они нового отомана, Якушку Гаврилова и, выбрав, отпустил его, Якушку, с воровскими казаками на Дан в Паншин городок».⁵⁵ Позднее, из-под Саратова, Разин отправил на Дон отряд во главе со своим братом Фролом «и велел де ему идти вверх по Дону под Куротояк».⁵⁶ На Украине же действовали в дальнейшем отряды Леско Черкашенина. Итак, Разин вышел из Царицына на Дон с некоторой частью своих сил, но затем вернулся в Царицын и с подавляющей частью своего войска, насчитывавшей, по некоторым данным, 8000 человек,⁵⁷ отправился вверх по Волге. Но и в этом случае не исключалась возможность похода повстанческих сил в центр страны через города Симбирско-Корсунской укрепленной черты. Во всяком случае правительство, располагая, очевидно, какой-то информацией, направило против Разина отряд князя Ю. Барятинского сухим путем до Саранска именно с целью преградить путь повстанцам в случае их движения городами по черте.⁵⁸ Основная же часть правительственного войска во главе с воеводами П. Урусовым и Д. Барятинским шла водным путем до низовых городов.

Из всего сказанного следует, что С. Разин, готовя поход для нанесения решительного удара господствующему феодальному режиму, в значительной мере склонялся к кратчайшему пути от Дона на Москву — через Белгородскую черту и Слободскую Украину. С этим были связаны его длительные переговоры с воз-

⁵⁵ Там же, ч. 1, стр. 56.

⁵⁶ Там же, стр. 165.

⁵⁷ Там же, стр. 56.

⁵⁸ Ю. Барятинский объяснил свой приход под Симбирск стремлением «Симбирска не потерять, а в черту б вора не пропустить» (там же, стр. 47).

возможными союзниками — Дорошенко и Серко — и его виды на поддержку восстания со стороны украинского крестьянства и запорожского казачества. Линия восстания в данном случае пролегла бы через районы, в значительной мере подверженные антикрепостническому движению и вкушившие уже от запретного плода борьбы за свободу в походах Василия Уса.

Мысль о стремлении Разина вести войско через Слободскую Украину не является новой. Если не ошибаемся, она впервые высказана в 1934 г. в упомянутой выше статье Д. Е. Кравцова, основанной, однако, на довольно случайном материале.⁵⁹

В итоге изучения значительно большего архивного материала автор специального исследования о влиянии восстания Разина на Украину Е. Стецюк, проследив многие коллизии взаимоотношений Разина с Дорошенко и Серко, приходит к обоснованному выводу о том, что постановка на царичинских кругах вопроса о выборе пути повстанцев до центра России есть результат переговоров Разина и Дорошенко и их планов совместного похода на Слободскую Украину.⁶⁰

Работы Д. Кравцова и Е. Стецюк стоят несколько особняком. Во всяком случае их выводы не получили отражения в широко распространенных изданиях о восстании Разина. Более того, в двух книгах В. И. Лебедева,⁶¹ несмотря на то что приводится материал о связях Разина с Дорошенко и Серко, утверждается, что перед выходом из Паншина городка на Волгу весной 1670 г. «казачки и беглые крестьяне отлично сознавали, что идти сразу к Москве было бы преждевременно; поход же на Волгу способствовал бы росту их сил. Кроме того, движение к Москве водным путем имело целый ряд преимуществ. Этот вариант отстаивал Степан Разин в речи, произнесенной им на кругу». И в дальнейшем В. И. Лебедев отождествляет позицию большинства, стоявшего за путь по Волге, с позицией самого Разина.⁶² Между тем, как мы видели выше, основным мотивом отказа большинства повстанцев идти по пути, предложенному Разиным, было опасение за судьбу родного Дона, вытекавшее из локальных тенденций, свойственных движению. Что касается преимуществ Волги как водного пути, то они сказались лишь до Симбирска. В дальнейшем, в разгар Крестьянской войны в Среднем Поволжье, с сентября 1670 г., основные сражения между повстанцами и правительственными войсками происходили на суше — в междуречье Волги—Оки. Нет сомнения, что Слободская Украина и уезды

⁵⁹ Д. Е. Кравцов. Отголоски разинщины на Украине, стр. 88—89.

⁶⁰ Е. Стецюк. Вплив повстання... , стр. 89.

⁶¹ В. И. Лебедев. 1) Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1955; 2) Крестьянская война под руководством Степана Разина. М., 1964.

⁶² В. И. Лебедев. Крестьянская война под руководством Степана Разина, стр. 47, 60.

вплоть до Москвы обладали не меньшими, чем в Поволжье, людскими резервами из числа крепостных крестьян и казачества, готовыми к антифеодальной войне. Поход В. Уса и события Крестьянской войны на Слободской Украине показали это с достаточной убедительностью.

Подводя итог сказанному, отметим, что новая обширная публикация материалов о Крестьянской войне под предводительством С. Разина⁶³ дает вполне достаточные основания вновь поставить вопрос о стремлении Разина вести свое войско на Москву через Слободскую Украину, а главное — проследить все нюансы позиции Разина в решении этого вопроса, начиная от круга в Черкасске зимой 1669/70 г. и кончая кругами в Царицыне в августе 1670 г., чего не было сделано до сих пор.

⁶³ Кр. война, тт. I—III.